

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

А. ВЕРМАНЪ-ГР.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода . . . . . 3 » 50 »
 На три мѣсяца . . . . 2 » — »

Редакція: Малая Подъячская, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Волчекъ. Разсказъ. Графъ Салиасъ. — II. Старый да малый. Сказка. Д. Д. Минаевъ. — III. Изъ міра искусствъ. (Продолженіе). С. И. Лаврентьева. — IV. Солнечный лучъ. * *. — V. Окно. Разсказъ. Н. Бувшинниковъ. — VI. Акрополь. N. Z.

ВОЛЧЕКЪ.

Разсказъ.

(Посвящается Ксеніи Евгеньевнѣ Салиасъ).

I.

ВЪ ПЕРВЫХЪ числахъ іюня 1740 года петербургскіе жители, и богатые, и бѣдные, и сановные, и простые, были нѣсколько смущены и встревожены.

Десять лѣтъ уже властвовали надъ столицей и надъ всей Россіей вѣдмъ ненавистный, хитрый и жестокий герцогъ

Биронъ. Многіе глубоко ненавидѣли его и при дворѣ императрицы, и въ обществѣ, и въ народѣ, но никто не смѣлъ тягаться съ нимъ и главные вельможи государства или увивались вокругъ него, ухаживали за нимъ, или осторожно избѣгали его, чтобы не навлечь на себя его гнѣва, хотя бы случайнаго.

И вотъ за послѣднее время нашелся человѣкъ происхожденіемъ и душой—русскій. Его любовь къ отечеству, высокое положеніе, званіе кабинетъ-министра и особенное расположеніе государыни къ нему — побудили его потягаться съ нѣмцемъ кровопійцей. Это былъ Артемій Петровичъ Волынский. Онъ возмечталъ избавить Россію отъ курляндца. Борьба, однако, даже перваго русскаго вельможи, оказалась невозможной съ могущественнымъ нѣмцемъ.

Биронъ явился къ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ съ требованіемъ отдать Волынскаго подъ судъ за разныя вполомѣ вымышленныя преступленія или такіе мелкіе проступки, въ которыхъ былъ виновенъ въ то время почти всякій вельможа.

— Или я или онъ, сказалъ Биронъ. Выбирайте!

Императрица проплакала цѣлый день и уступила любимцу нѣмцу. Волынскій былъ отданъ подъ судъ и, къ великому стыду русской земли, судьи были всѣ на подборъ избраны Бирономъ не изъ нѣмцевъ, а изъ русскихъ. Въ комиссію были выбраны, чтобы судить своего ни въ чемъ неповиннаго соотечественника, слѣдующія лица: Чернышевъ, Ушаковъ, Румянцевъ, князь Трубецкой, Хрущевъ, князь Рѣпинъ, Новосильцевъ, Неплюевъ и Шиповъ.

Судъ этотъ продолжался болѣе двухъ мѣсяцевъ. Волынскій былъ обвиненъ во всемъ, что только можно было выдумать, и даже въ томъ, что имѣлъ „злой умыселъ и намѣреніе сдѣлаться государемъ Имперіи Россійской“.

II.

Въ эти самые дни, въ одномъ изъ небольшихъ домиковъ въ переулкѣ около Адмиралтейскаго проспекта, часовъ въ девять вечера сидѣло за ужиномъ цѣлое семейство. Человѣкъ лѣтъ тридцати-пяти, — хозяинъ дома Сонцевъ, жена его молодая женщина, трое дѣтей и собака Волчекъ.

Старшему мальчику Петѣ было восемь лѣтъ. Около него сидѣла сестра его Маша, немного моложе, а рядомъ съ матерью маленькая, курносая, черноглазая и черномазая какъ цыганка и вѣчная вертушка Ксая, дѣвочка четырехъ лѣтъ, которая обожала Волчка, но болѣе потому, что обожала вообще всѣхъ собакъ и всѣ собаки обожали ее. Это была особенность характера этого маленькаго человѣчка, бойкаго и смѣлаго не по лѣтамъ. Между дѣвочкой и отцомъ, на такомъ же стулѣ какъ и всѣ, сидѣла большая лохматая собака, пудель, съ толстой мордой и большими, свѣтлыми и умными глазами. Это и былъ Волчекъ, не только первый другъ всего семейства, но болѣе того...

Волчка всѣ любили и дѣти считали его даже чуть не своимъ старшимъ братомъ. Отецъ часто говорилъ, что Волчекъ на полъ-года старше Пети. Мать часто говорила дѣтямъ, что Волчекъ добрѣе ихъ, послушнѣе, не шалить, меньше капризничаетъ и не упрямится. Отецъ часто повторялъ, совершенно серьезно, что Волчекъ умнѣе не только дѣтей, но и многихъ знакомыхъ. И дѣти давно привыкли любить и уважать друга-пуделя. Дѣйствительно, Волчекъ дѣлалъ много, чего нельзя было бы поручить ни дѣтямъ, ни даже крѣпостному человѣку Степану. Волчекъ былъ многимъ умнѣе его, смѣтливѣе и расторопнѣе. Степану случалось перепутать что нибудь, исполнить порученіе наоборотъ. Съ Волчкомъ же никогда этого не бывало.

Часто Сонцевъ посылалъ Волчка позвать кого нибудь изъ людей и Волчекъ тащилъ человѣка или дѣвушку за платье,

и всякій понималъ, что баринъ зоветъ. Иногда посылался Волчокъ въ людскую или на конюшню съ приказомъ закладывать лошадей. Волчекъ отправлялся, начиналъ лаять надъ кучеромъ извѣстнымъ образомъ. Кучеръ догадывался и, не говоря ни слова, шелъ закладывать. Точно также Волчекъ приносилъ своему барину туфли изъ спальни. Но этого всего мало. Когда Сонцевъ темной ночью, иногда зимой отправлялся по сосѣдству къ пріятелямъ пѣшкомъ, такъ какъ не стоило закладывать колымагу или большой возокъ, то при этомъ Волчекъ шелъ впереди и несъ небольшой фонарь нарочно для него устроенный, съ особенной ручкой, чтобы удобнѣе держать въ зубахъ. Только одинъ разъ за все время случилась бѣда.

Волчекъ отъ сырой погоды или отъ снѣга вдругъ чхнулъ сильно, да и потушилъ фонарь. Баринъ его и остался въ темнотѣ. Когда Сонцевъ рассказалъ дѣтямъ, какъ Волчекъ осрамился—дѣти долго приставали къ нему, особенно Петя. Какъ только Волчекъ приметъ важный видъ и смотритъ начальственно на дѣтей, (а это иногда съ нимъ случалось), то сейчасъ кто нибудь и напомнить:

— Да! Важничай! А фонарь то, братъ, потушилъ!.. И Волчекъ понимаетъ и сейчасъ морду отвернетъ въ другую сторону.

И наконецъ, однажды, когда захворалъ разсылный, Сонцевъ попробовалъ замѣнить его Волчкомъ и дѣло пошло на славу.

Онъ призывалъ пуделя и называлъ нѣсколько разъ имя своего подчиненнаго Нилова, которому всего чаще пересылалъ бумаги. Волчекъ прислушивался, скосивъ морду на сторону, потомъ бралъ въ зубы осторожно и нѣжно пакетъ и отправлялся съ порученіемъ. Если дверь была растворена, то онъ ловко влеталъ въ домъ. Если все было заперто, онъ клалъ осторожно пакетъ и начиналъ лаять до тѣхъ поръ, покуда кто-нибудь не выйдетъ и не впустилъ его. Впрочемъ дома Волчку случалось часто и самому отворять инныя двери.

Станетъ онъ на заднія лапы, положить переднія на дверь и одной бьетъ по ручкѣ двери покуда она не опустится.

За то многіе въ столицѣ знали Волчка. Нѣкоторые простые люди не знали фамиліи господина, которому принадлежитъ умная собака, но знали пуделя. Рѣдко говорили „Сонцевская собака“ а чаще говорили про самого Сонцева: „Волчковскій баринъ“.

III.

Сонцевъ былъ человѣкъ образованный и даже довольно рѣдкій человѣкъ въ тѣ времена. Онъ ѣздилъ учиться за-границу и пробылъ года три, слушая лекціи въ одномъ изъ университетскихъ городовъ Германіи. Когда онъ вернулся въ Петербургъ и опредѣлился на службу, умеръ Петръ II и со вступленіемъ на престолъ императрицы Анны тотчасъ-же началось ненавистное владычество Бирона. Знаніе иностранныхъ языковъ и въ особенности нѣмецкаго, на которомъ Сонцевъ объяснялся какъ на русскомъ, сразу поневолѣ отличило его. Не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ, именно за этотъ нѣмецкій языкъ, онъ былъ представленъ Бирону, быстро повышенъ по службѣ и отличенъ отъ всѣхъ товарищей. Не смотря на то, что Сонцевъ, чисто русскій человѣкъ, отдалялся отъ Бирона и отъ всѣхъ нѣмцевъ, тѣмъ не менѣе случайно, какъ бы насильно, судьба все болѣе влекла его въ ненавистную ему среду.

Быстро прошли девять лѣтъ жизни въ Петербургѣ. Сонцевъ былъ теперь уже давно женатъ, и для семейнаго человѣка съ тремя дѣтьми съ очень скудными средствами. Кончилось тѣмъ, что когда тотъ же герцогъ предложилъ ему мѣсто въ своей канцеляріи съ большимъ окладомъ, то Сонцеву, не смотря на все его отвращеніе къ тирану-курляндцу и его клеветамъ, пришлось согласиться. Онъ утѣшалъ себя мыслью, что новый кабинетъ-министръ Волинскій, пользовавшійся большою милостью императрицы, одолѣетъ этого гер-

пога и тогда онъ тоже перейдетъ служить къ Волынскому. И многіе, кромѣ Сонцева, долго и тщетно таили эту надежду на переѣзду. Для Сонцева могло это случиться легко, такъ какъ онъ, по возвращеніи въ Петербургъ, сблизился и подружился съ человѣкомъ, хотя моложе его лѣтъ на десять, но тоже крайне образованнымъ, который былъ теперь секретаремъ Волынскаго. Молодой человѣкъ этотъ былъ Тепловъ, ученикъ знаменитаго Теофана Прокоповича. Не смотря на службу въ двухъ враждебныхъ лагеряхъ, оба оставались по прежнему близкими друзьями и только за послѣднее время видѣлись осторожно, даже умышленно дѣлали видъ и говорили, что поссорились. Одновременно они всячески помогали другъ другу. Когда Волынскій былъ отданъ подъ судъ, то Тепловъ часто навѣщалъ Сонцева, спрашивая его о видахъ, намѣреніяхъ и мнѣніяхъ Бирона. Сонцевъ хотя рѣдко видалъ герцога лично, — разъ, два въ недѣлю, но онъ былъ въ состояніи знать кое-что отъ товарищей, могущее быть полезнымъ опальному и судимому вельможѣ. Теперь именно въ эти іюньскіе дни Сонцевъ со словъ герцога и своихъ сослуживцевъ въ канцеляріи увѣрялъ Теплова, что Волынскому не предстоитъ никакой бѣды, что Биронъ хочетъ только спихнуть его съ занимаемаго имъ важнаго поста и заставить покориться.

Герцогъ увѣрялъ и всѣ въ столицѣ повторяли, что члены комиссіи, судящей Волынскаго, нарочно избраны изъ чисто русскихъ людей, чтобы судъ этотъ былъ совершенно безпристрастенъ. И только немногіе умные и дальновидные люди чужали, что Артемію Петровичу Волынскому не нынче — завтра будетъ худо и что въ лицѣ его будетъ осрамленъ, затоштанъ въ грязь и погубленъ весь русскій лагерь.

IV.

Въ этотъ вечеръ и дѣти и Волчекъ сидѣли особенно смирно.

Ужинъ кончился. Дѣти простились съ отцомъ и собрались спать, а Волчекъ, по обыкновенію, стправился за ними наверхъ, по лѣстницѣ. Онъ почему-то всегда присутствовалъ при ихъ туалетѣ и утромъ и вечеромъ. Когда же они улягутся по постелямъ, Волчекъ осмотритъ всѣхъ, какъ надзиратель въ училищѣ, повернетъ направо и налево свою умную, серьезную морду и затѣмъ, какъ-то важно махнувъ хвостомъ, отправится внизъ и ляжетъ около письменнаго стола своего барина. Когда Волчекъ возвращался сверху, то Сонцевъ зналъ какъ бы по докладу, что дѣти уже въ постели.

— Что? Уложилъ? спрашиваетъ онъ иногда въ шутку.

Волчекъ тяфкалъ въ отвѣтъ, будто понималъ вопросъ.

Вообще присутствіе Волчка въ домѣ было на столько разумно, онъ былъ такъ уменъ и точенъ въ своихъ простыхъ дѣйствіяхъ, что по нимъ можно было многое узнавать.

На этотъ разъ не прошло часу, какъ Волчекъ вдругъ чуть-чуть взвизгнулъ, не жалобно, а весело и поднялъ голову къ растворенному окну. Вскочивъ съ мѣста, онъ положилъ передніе лапы на окошко и началъ лаять, поглядывая то въ окно, то на Сонцева. И тотчасъ Сонцевъ опять понялъ докладъ Волчка. Онъ догадался, что кто-нибудь изъ очень близкихъ людей идетъ мимо дома или же остановился на подъѣздѣ. Такъ какъ было уже поздно, то посѣщеніе, нежданное и негаданное, близкаго человѣка должно было означать что-нибудь особенно важное.

Сонцевъ поднялся съ мѣста, вышелъ въ переднюю, сопровождаемый прыгающимъ Волчкомъ и, дѣйствительно увидѣлъ, что на подъѣздъ входитъ человѣкъ, тщательно уткнувшій лицо въ воротникъ шинели, не смотря на то, что на дворѣ стояла теплынь.

— Григорій Николаичъ, воскликнулъ Сонцевъ, узнавъ Теплова. Чего это ты такъ поздно? Иль бѣда какая?

Тепловъ сбросилъ шинель, молча и быстро подошелъ къ пріятелю и, взявъ его за руку, также молча потянулъ въ

кабинетъ. Онъ былъ блѣденъ, какъ снѣгъ, и глаза особенно сверкали отъ чрезмѣрнаго волненія.

— Что такое? воскликнулъ Сонцевъ.

Тепловъ хотѣлъ заговорить, но губы его дрожали, онъ едва могъ только вымолвить одно слово.

— Осужденъ.

— Кто? Артемій Петровичъ? воскликнулъ Сонцевъ.

— Осужденъ на смерть! На казнь!

И оба вдругъ замолчали. Тепловъ началъ ходить по горницѣ, ничего не говоря, но шевеля губами и размахивая руками. Очевидно, что цѣлыя рѣчи, горячія и сердечныя, просились ему на языкъ, но онъ не сообщалъ ничего другу, такъ какъ все это тотъ зналъ, чувствовалъ и думалъ то же въ эту минуту.

Эти два человѣка, какъ и многіе люди въ Петербургѣ, были просто обмануты. Они ожидали, что комиссія и судъ надъ бывшимъ кабинетъ-министромъ кончится только его смѣщеніемъ и опалой, быть можетъ, ссылкой временной не въ дальній городъ. Но никто не могъ предвидѣть и повѣрить, чтобы любимецъ государыни, ни въ чемъ важномъ не виновный, былъ бы неизвѣстно за что, несправедливо и предательски приговоренъ къ смерти... и къ позорной смерти разбойника и убійцы.

— Да это, можетъ быть, такъ, только острастка, выговорилъ, наконецъ, Сонцевъ. Попугаютъ, а потомъ помилуютъ и сошлютъ, ну хоть въ Пелымъ.

— Нѣтъ, выговорилъ Тепловъ, государыня на дняхъ должна подписать его безвинную гибель. Такъ говорятъ. Съ нимъ вмѣстѣ будутъ казнены Хрущевъ и Еропкинъ.

Покуда два друга, оба пораженные и встревоженные, говорили, Волчекъ сидѣлъ на заднихъ лапахъ около нихъ и глядѣлъ своими умными глазами въ лица то хозяина, то его друга.

Изъ всѣхъ друзей своего владѣльца онъ наиболѣе любилъ Теплова, быть можетъ потому, что Тепловъ чаще дру-

гихъ бываль, дольше засиживался, иногда даже оставался ночевать; или же Волчекъ чюяль, что это самое близкое лицо Сонцеву.

За послѣднее время, Тепловъ, изъ опасности, чтобы не навлечь на друга бѣды, заходилъ гораздо рѣже и всегда тайкомъ. Онъ былъ почти единственный человѣкъ, оставшійся на свободѣ изъ всей канцеляріи Волынскаго, и это случилось, главнымъ образомъ, благодаря тонкому и умному вмѣшательству за него Сонцева. Когда герцогу была подана записка, гдѣ были перечислены всѣ сослуживцы, всѣ чиновники, до послѣдняго писаря, бывшіе при Волынскомъ, то Сонцевъ, конечно, не отъ себя лично, а черезъ своихъ пріятелей, постарался очень хитро выгородить своего друга. Наконецъ, и самъ Тепловъ былъ на столько ловкій и увертливый человѣкъ, что, когда всѣхъ бывшихъ при Волынскомъ перебрали, нѣкоторыхъ арестовали и судили, другихъ уже выслали изъ города, онъ одинъ остался на свободѣ.

Хотя Тепловъ любилъ Волынскаго, но самъ былъ человѣкъ въ высшей степени хитрый и себялюбивый, и, конечно, всячески позаботился о личном своемъ спасеніи. Теперь, переговоривъ съ пріятелемъ, Сонцевъ тотчасъ же рѣшился отправиться, не смотря на позднее время, къ одному изъ любимѣйшихъ секретарей герцога, съ которымъ онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, и узнать навѣрное о судьбѣ Волынскаго. Секретарь этотъ жилъ недалеко и Сонцевъ отправился къ нему пѣшкомъ. Тепловъ остался дожидаться его возвращенія въ кабинетѣ наединѣ съ Волчкомъ. Собака, будто понимавшая горе и заботы своего хозяина и Теплова, подѣла теперь поближе къ гостю, ласково глядѣла ему въ лицо и лизала его руки, будто утѣшая въ горѣ. Тепловъ понялъ ласки собаки, положилъ руку на лохматую голову Волчка и невольно выговорилъ:

— Да, Волчекъ, тяжелыя времена!

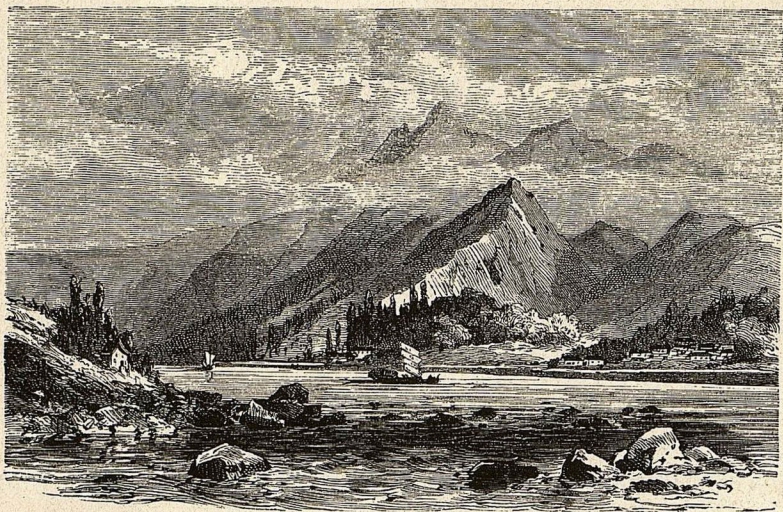
Затѣмъ, онъ замолчалъ и около часу неподвижно проси-

дѣль въ креслѣ, дожидаясь друга и вѣстей. Сонцевъ вернулся еще болѣе грустный. Вѣсти Теплова оказались вполнѣ вѣрны! Дѣйствительно, Волынскій былъ осужденъ безжалостно на позорную смерть чрезъ палача—на отсѣченіе руки и головы!..

Графъ Салиасъ.

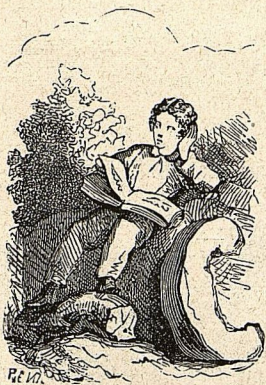
(Продолженіе будетъ).

СТАРЫЙ ДА МАЛЫЙ.

С к а з к а .

ТАРЫЙ-престарый былъ дѣдушка Павелъ,
Дѣдушку Павла и разумъ оставилъ:
Слышалъ онъ плохо, глаза чуть смотрѣли,
Двигаться дѣдушка могъ еле-еле.
Вотъ и присѣлъ онъ однажды обѣдать,
Щей не успѣлъ и двухъ ложекъ отвѣдать,

Какъ задрожала въ рукѣ его ложка.

Чистую скатерть онъ залилъ немножко,

Облилъ себѣ онъ и бороду тоже.

— „Батюшка, это на что-же похоже!“

Сынъ упрекнулъ и прикрикнула рѣзко

На старика молодая невѣстка.

— „Чай, не ребенокъ, чтобъ ѣсте такъ оплошно!

Намъ на тебя и взглянуть даже тошно.“

Съ этого дня въ часъ урочный обѣда

Стала отдѣльно кормить она дѣда,

Въ уголь за печку горшокъ приносила.

Дѣдушкѣ горько, обидно то было.

Разъ изъ-за печки, печальный и робкій,

Видя, что дѣти сидятъ за похлѣбкой,

Шутятъ, смѣются, квасокъ попивая,

Словно онъ ихъ не на шутку обидѣлъ,

Дѣдъ отъ волненія свѣта не взвидѣлъ,

Градъ крупныхъ слезъ у сѣдаго закапаль
И уронилъ онъ нечаянно на полъ
Старый горшокъ... Отъ неожиданнаго треска
Разомъ вскочила съ досадой невѣстка
И на чемъ свѣтъ старика разругала:
— „Лишнихъ горшковъ для тебя у насъ мало!
Если не можешь, какъ добрые люди,
Смирно сидѣть, то и въ битой посудѣ
Кушай за печкой... Съ меня не взыщи ты—
Изъ черепка люди могутъ быть сыты“.

Въ праздничный день у окошка весною
Вечеромъ какъ-то сидѣлъ мужъ съ женою,
Сынъ-же ихъ крошка въ избѣ у порога,
Маленькихъ щепокъ набравъ себѣ много,
Складывалъ ихъ, а онѣ разсыпались.
Мать и отецъ у окна засмѣялись.
— „Что ты, голубчикъ нашъ, дѣлать задумалъ?“
И отвѣчалъ имъ сынишка: „Хочу-моль
Чашку я сдѣлать изъ этихъ вотъ щепокъ,—
А вотъ какъ выросту, буду я крѣпокъ
И на селѣ себѣ женку добуду,
Тятю и маму кормить тогда буду,
Какъ стариковъ, я изъ маленькой чашки,
Щей не жалѣя и масла для кашки“.
Молча родители переглянулись,
Слезы у нихъ на глазахъ навернулись
И—знать, отъ Бога слова были эти!—
Со старикомъ стали ласковы дѣти,
Вмѣстѣ обѣдать съ нимъ начали снова,
Не говоря ему грубаго слова,
И ужъ его не за печкой держали,
А на почетное мѣсто сажали.

Дмитрій Минаевъ.

ИЗЪ МІРА ИСКУССТВЪ.

(Продолженіе).

V.

Греція—древняя Эллада.

АКЪ только человѣкъ вступаетъ въ Грецію, онъ чувствуетъ, что его оставляетъ фантастическій міръ Востока, на него вѣетъ роднымъ воздухомъ—онъ у себя дома. Греція—страна соразмѣрности формы съ содержаніемъ, внутренняго съ наружнымъ. Статуи Праксителя — свѣтлые образы олимпійцевъ, герои поэмъ Иліады и Одиссеи уже не Мемноны въ 70 метровъ вышины, это не Магбарата, не Сакантала,—тутъ вы узнаете вамъ близкое, знакомое, тутъ во всемъ видна мысль музыкальной соразмѣрности. Этой мыслью руководилась Греція, не только въ своихъ поэмахъ и статуяхъ, но и въ зда-

ніяхъ и въ той стройности аѳинской жизни, которая поражаетъ своей изящностью.

Самая природа ограниченная въ своей красотѣ, противоположная грандіозной, поражающей природѣ Востока, благотворно вліяла на развитіе жизни Греціи. Подъ ея вѣчно голубымъ небомъ, среди рощей, гдѣ мирты и оливы мѣшаются съ кустами розъ, предъ нами возстаетъ цѣлый строй героевъ, мудрецовъ, художниковъ.

Греческій народъ, вслѣдствіе своего ранняго умственного развитія, казалось, былъ призванъ на то, чтобы разработать искусство. Но и ему слѣдовало пройти нѣсколько постепенныхъ ступеней. Памятники ранней эпохи Эллады были тоже огромные курганы, иногда насыпанные на каменной подстилкѣ, иногда увѣнчанные монументальнымъ камнемъ на верху. На троянской равнинѣ виднѣется много такихъ кургановъ. Вслѣдъ за курганами появились храмы, въ формѣ продолговатаго четырехугольника съ толстыми стѣнами, покрытыми каменными плитами, выдвинутыми одна надъ другой.

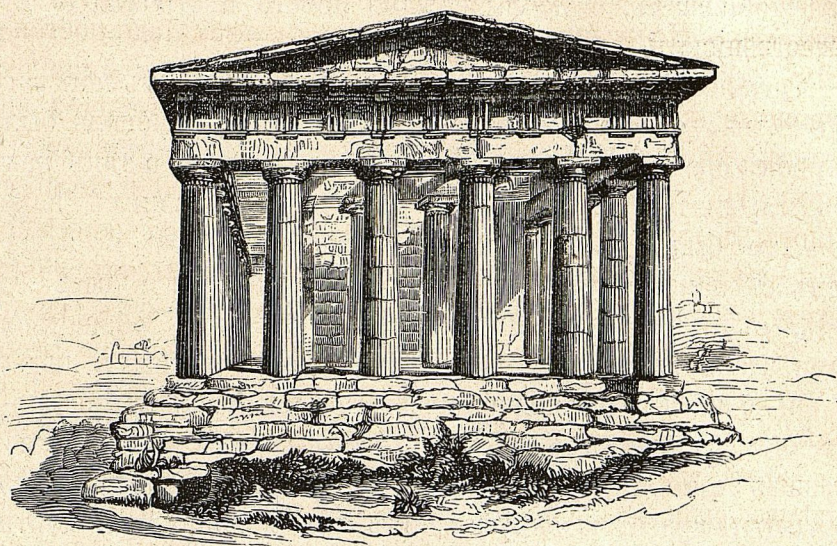
Далѣе, воздвигаются могучія стѣны ограждающія города а затѣмъ и самыя зданія. Хотя въ первобытныхъ городахъ и не видно было особеннаго художественнаго вкуса, но вездѣ уже проглядывали соразмѣрность, смыслъ и мощь. Стѣны складывались изъ колоссальныхъ, многоугольныхъ, многогранныхъ глыбъ, все углы и грани плотно пригонялись другъ къ другу, что образовывало прочную связь. Такого рода кладка извѣстна въ архитектурѣ подъ именемъ строенія циклопскаго. Городскія ворота были грандіознаго характера, а галереи и колоннады—легки и красивы. Особенной грандіозностью и изяществомъ отличались храмы. Простые камни начали прикрывать мраморомъ. Въ болѣе значительныхъ храмахъ святилище, т. е. помѣщеніе кумира,—устроивалось обширное. Весь храмъ обносился рядомъ портиковъ, колоннадныхъ переходовъ. Надъ входными воротами стали дѣлать фронтоны.

Затѣмъ храмы и дома уже строились въ разныхъ сти-

ляхъ, такимъ образомъ выработался стиль Дорическій, отличавшійся большею энергіей и строгостью, и стиль Іонійскій—болѣе легкій, немного напоминавшій характеръ древне-азіатскихъ построекъ, но съ болѣе художественной обработкой.

Однимъ изъ древнѣйшихъ городовъ Эллады былъ Коринѣ, гдѣ больше всего обращали вниманіе на украшенія храмовъ и строили ихъ въ строгомъ дорическомъ стилѣ.

Храмъ Тезея.

Позднѣ прославились Аѣины, тамъ во второй половинѣ шестаго вѣка до Р. Х. стали строить одинъ изъ величайшихъ храмовъ древняго міра—храмъ Зевеса Олимпійскаго. Вообще архитектура, и въ особенности дорійская, въ Аѣинахъ достигла своего совершенства. Изъ памятниковъ этого времени, всего лучше сохранился до нашихъ временъ храмъ Тезея. Онъ принадлежитъ къ пятому столѣтію, когда Аѣины, овладѣвъ прахомъ Тезея, соорудили храмъ надъ останками своего героя. Другой дорійскій храмъ, построенный при

Периклѣ, покровителѣ искусствъ древней Эллады — былъ Парѣенонъ. Третій памятникъ, время Перикла — великолѣпныя ворота Пропилеевъ, служившія входомъ въ Акрополь. Акрополемъ называлась возвышенная, укрѣпленная часть города, гдѣ находились главнѣйшіе храмы и дворцы.

Широкая парадная лѣстница вела на вершину Акрополя прямо въ обширный храмъ. Мраморная крыша храма поддерживалась колоннадой въ іонійскомъ стилѣ. Это соединеніе легкаго іонійскаго стила съ строгимъ, благороднымъ стилемъ дорійскимъ, было выдержано просто и стройно до художественности.

Древніе греческіе города строились вдали отъ морскаго берега, изъ опасенія нападенія пиратовъ. Акрополь былъ устроенъ среди города, на возвышенномъ мѣстѣ, а такъ какъ онъ служилъ убѣжищемъ отъ нападенія сосѣднихъ народовъ, то былъ укрѣпленъ, снабженъ водоемами и защищенъ стѣнами. Съ высоты Акрополя открывался весь городъ, съ поражающими красотой храмами и общественными зданіями, рядомъ съ которыми дома частныхъ людей, большою частію маленькіе, низкіе, съ плоскими крышами, — казались слишкомъ просты и бѣдны. Улицы были узки и грязны; за то площади, скверы и рынки поражали обширностью и красотой окружавшихъ ихъ колоннадъ и портиковъ, въ тѣни которыхъ народъ спасался днемъ отъ солнца, а ночью устраивалъ себѣ ночлегъ. Тутъ не виднѣлось ни башни, ни колокольни, ни шпица. Греческая архитектура не допускала ихъ, ни даже куполовъ и дымовыхъ трубъ.

Дома свои греки строили такъ, чтобы они совсѣмъ не имѣли сообщенія съ улицей, мрачно смотрѣла на нее глухая, безъ оконъ, стѣна. Со стороны улицы у дома была только одна входная дверь, у которой находились стукальцо, замѣнявшая нашъ звонокъ, и ручка. Дверь отворялась не внутрь, а наружу. Ходъ прямо съ улицы былъ только въ домахъ бѣдныхъ; въ богатыхъ же надобно было прежде пройти портикомъ или крытымъ крыльцомъ. Затѣмъ, че-

черезъ узкій, длинный ходъ, входили въ открытый дворъ, окруженный крытой колоннадой, за которой находились помѣщенія всѣхъ жителей дома, а далѣе шла столовая. Кладовая и погреба устраивались въ задней части дома, а вблизи ихъ кухня, съ дымоотводною трубой надъ плоской крышей. Для другихъ комнатъ въ благодатномъ климатѣ Греціи рѣдко требовалось отопленіе; въ случаѣ же надобности употреблялись жаровни съ раскаленнымъ древеснымъ или даже каменнымъ углемъ.

Но въ этой прелестной странѣ, странѣ почти вѣчнаго лѣта, надобно было думать больше о прохладѣ, чѣмъ о теплѣ,—поэтому, среди мраморныхъ половъ внутренняго двора, билъ фонтанъ и нѣжнымъ журчаніемъ прерывалъ тишину въ минуты отдыха греческихъ изнѣженныхъ вельможъ; а за высокими стѣнами дома раскидывались роскошные сады, гдѣ зрѣли сочные плоды; около деревьевъ обвивались граціозныя вѣтки винограда, пышныя розы нѣжно алѣли въ сосѣдствѣ съдой оливы и разливали ароматъ подъ пѣсню соловья полночи.

VI.

И т а л і я.

Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ
 Незъяснимой синевою,
 Гдѣ море теплою волной
 Вокругъ развалинъ тихо плещетъ,
 Гдѣ вѣчный лавръ и кипарисъ
 По волѣ гордо разрослись,
 Гдѣ пѣлъ Торквато величавый,
 Гдѣ и теперь во мглѣ ночной,
 Адриатической волной
 Повторены его октавы,
 Гдѣ Рафаэль живописалъ,
 Гдѣ въ наши дни рѣзецъ Кановы
 Послушный мраморъ оживлялъ?

. . . . .

Италія, волшебный край,
Страна высокихъ вдохновеній!

Такими стансами нашъ геніальный Пушкинъ привѣтствовалъ Италію, страну искусствъ!

Но и этой художественной Италіи пришлось начать съ тѣхъ же низкихъ ступенекъ, чтобы дойти до совершенства, чтобы стать колыбелью искусствъ. Ея первые памятники имѣютъ сходство не только съ эллинскими, но даже съ египетскими. Это тѣ же земляныя насыпи на каменной подстилкѣ. Въ нѣкоторыхъ монументахъ земляная насыпь замѣнялась каменнымъ, уступчатымъ конусомъ; въ другихъ—надъ курганами возвышались конусы въ видѣ башенъ. Внутри кургановъ устраивались склепы, на подобіе греческихъ. Въ большихъ курганахъ находилось множество склеповъ, соединенныхъ переходами.

Небольшіе памятники позднѣйшихъ временъ, какъ гробница Гораціевъ и Куриціевъ, близъ Рима, имѣли видъ тонкихъ каменныхъ башенъ надъ четырехугольнымъ основаніемъ. Фасады другихъ гробницъ напоминали нѣсколько формою египетскія пирамиды, съ обозначенной рельефомъ дверью.

Древніе итальянскіе города обводились стѣнами почти точно такъ же, какъ и греческіе Акрополи. Сначала кладка этихъ стѣнъ была та же циклопная, изъ многогранныхъ камней, потомъ перешла въ правильную кладку изъ четырехугольныхъ плитъ. Ворота обдѣлывались такъ же, какъ и греческія, но постройка храмовъ была своеобразная. Площадь храма составляла обширный четырехугольникъ, на половину она была занята святилищемъ, а на половину открытыми, только изъ колоннъ состоящими стѣнами, подъ одной высокой крышей. Колонны тоже отличались отъ греческихъ: онѣ были тонки, состояли изъ подножія (базисъ) и увѣнчивались навершьемъ (капитель). Вообще, вліяніе эллинской архитектуры на этрусскую въ началѣ было не особенно сильно; но въ исходѣ второго вѣка, когда Греція была покорена римлянами и въ Римъ были привезены безчисленныя сокровища

эллинскаго искусства, то тамъ особенно пристрастились къ художествамъ, и онъ сталъ средоточіемъ, куда стекались лучшіе художники со всего міра, наполнявшіе потомъ своими работами все другіе города Италіи.

Вслѣдъ затѣмъ, въ архитектурѣ выработался чисто римскій стиль, выразившійся всего явнѣе въ расположеніи римскаго храма. Это различіе состояло всего болѣе въ сильно выдающемся впередъ портикѣ, со многими колоннами по сторонамъ фаса и со ступенчатымъ всходомъ передъ портикомъ, а все прочія стороны зданія поднимались на помость, одинаковой вышины со входомъ. Еще рѣзче отличается римская архитектура въ сводчатой постройкѣ. Сводъ примѣнялся какъ къ практическимъ потребностямъ, такъ и къ болѣе эффектнымъ монументальнымъ постройкамъ. Его стали употреблять при устройствѣ воротъ, черезъ которыя должны были проходить триумфальныя шествія римскихъ героевъ. Своды стали примѣнять при постройкѣ аркадъ, при устройствѣ театральныя сценъ и цирковъ. Строились аркады надъ аркадами. Сводная кладка повела къ устройству куполовъ и полукруглыхъ углубленій (нишъ). Своды главнымъ образомъ примѣнялись къ устройству термъ, громадныя бань, гдѣ римляне послѣ купанья любили подолгу проводить время въ роскошно устроенныхъ, тутъ же въ зданіи, залахъ. Развалины великолѣпныхъ термъ временъ Тита, Нерона, Каракаллы сохранились въ Римѣ до нашихъ временъ; нѣкоторыя изъ залъ поражаютъ грандіозностью своихъ размѣровъ и воздушной, стройной красотой куполовъ и сводовъ.

Вообще Римъ съ конца четвертаго вѣка до Р. Х. началъ украшаться множествомъ храмовъ и другихъ зданій. Стали воздвигаться великолѣпныя форумы (главныя общественныя площади), съ ихъ арками, колоннадами, базиликами, жертвенниками, памятниками, храмами. Большая часть такихъ памятниковъ были построены Помпеемъ и Цезаремъ. Со временъ императора Августа (за 30 лѣтъ до Р. Х.) Римъ изъ „кирпичнаго“ превратился въ „мраморный“, рим-

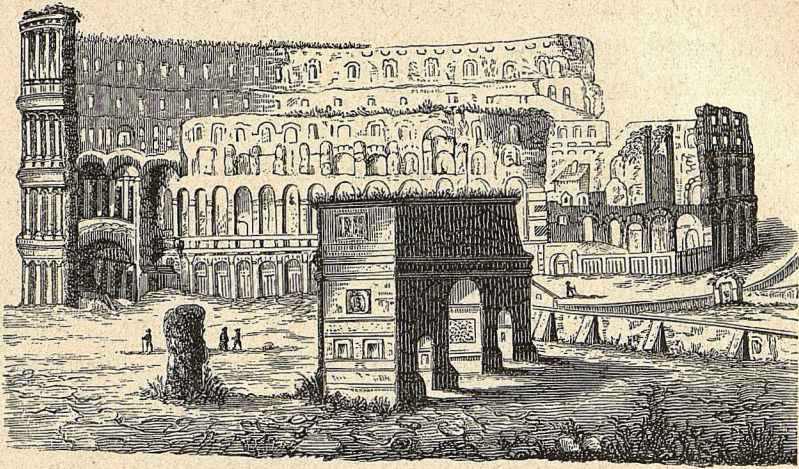
ская архитектура вполне стала самостоятельной. Замѣчательнѣйшимъ памятникомъ того времени былъ Пантеонъ (всебожница), колоссальное, сведенное куполомъ круглое зданіе, имѣющее 132 фута въ поперечникѣ, и столько же въ высоту. Въ настоящее время это зданіе, отлично сохранившееся, внутри измѣнено и обращено въ церковь.

Одно изъ замѣчательныхъ зданій Рима — это Колизей, обширнѣйшій изъ всѣхъ театровъ въ мірѣ. Его начали строить при императорѣ Веспасіанѣ, а окончили при Титѣ, въ 80 году по Р. Х. Онъ былъ въ четыре яруса или 4 огромные этажа, съ арками, столбами и полуколоннами. На скамьяхъ этихъ этажей могло помѣститься 87,000 зрителей. Все зданіе образовало громадный кругъ, среди котораго помѣщалась огромная площадь или арена, на которой происходили представленія, игры, ристалища, состоящія изъ битвъ людей между собою и съ дикими звѣрями. Иногда изъ особыхъ водохранилищъ напускали на арену воду и тогда происходили морскія сраженія. Такъ какъ зданіе не имѣло крыши, то во время сильной жары надъ зрителями натягивалось полотно, чтобы предохранить ихъ отъ солнечныхъ лучей. Открытіе Колизея ознаменовалось празднествами, продолжавшимися 100 дней. Во время игръ и битвъ нерѣдко убивали до 5,000 разъяренныхъ животныхъ. Позднѣе, когда ученіе Христа стало просвѣщать народы и возбудило въ Римѣ гоненіе на христіанъ, на аренѣ Колизея стала проливаться кровь христіанъ, ихъ выводили на жертву дикихъ звѣрей, которые терзали тѣла этихъ мучениковъ за вѣру.

Отъ арены, на которой гибли христіанскіе мученики, перейдемъ къ катакомбамъ, составляющимъ совершенно своеобразный родъ построекъ. Эти подземныя пещеры, разбросанныя по разнымъ точкамъ римскихъ окрестностей, въ сложности простирались слишкомъ на тысячу верстъ, перекрещиваясь между собой ходами и переходами. Катакомбы эти служили убѣжищемъ для гонимыхъ христіанъ. Въ этихъ подземныхъ пещерахъ, вырытыхъ ихъ руками, сырыхъ и

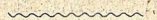
мрачныхъ, слабо освѣщаемыхъ лампадами,—они собирались на общую молитву, надъ тѣлами своихъ замученныхъ братьевъ, которыхъ погребали въ узкихъ углубленіяхъ, продѣланныхъ по обѣимъ сторонамъ пещерныхъ ходовъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ пещеръ были устроены молитвенные храмы съ алтарями, круглыми сводами и колоннами. Богатству, роскоши и веселымъ праздникамъ римскихъ язычниковъ хри-

Колизей и триумфальная арка Константина.

стіане предпочли свои суровыя пещеры, свѣтъ ученія Христа былъ ихъ путеводной звѣздой къ истинѣ, а узкіе переходы катакомбъ были путемъ къ спасенію.

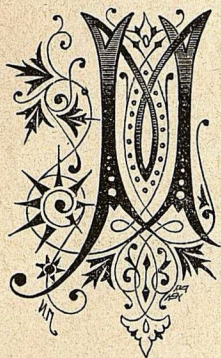
Но вотъ, послѣ многихъ гоненій, церковь Христова стала проповѣдываться открыто и въ міродержавномъ, блистательномъ Римѣ и ея кроткій, утѣшительный духъ все болѣе и болѣе началъ овладѣвать древнимъ міромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ вырабатываться и новый стиль архитектуры, которую и стали примѣнять при постройкѣ новыхъ христіанскихъ храмовъ и этотъ стиль получилъ названіе: древнехристіанской архитектуры.

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧЪ.

Сказка.

УРАВЬИ работали и работали. Имъ предстояло такъ много дѣла: сперва надобно было вывести стѣны своихъ комнатъ въ муравейникъ, теплыя и прочныя, на зиму; обойти еще разъ кладовыя и осмотрѣть достаточно-ли запасовъ на 5 или на 6 мѣсяцевъ заточенія; затѣмъ надобно было укрѣпить входы въ жилище на случай неприятельскаго нападенія: очистить дороги, ведущія къ муравейнику, убрать прочъ всѣ засохшія хвои и наконецъ еще взлѣзть на ближайшее дерево, чтобы слѣдить за житейскимъ движеніемъ и посматривать, — не собирается ли вдругъ наступить зима.

Сверхъ всего этого на нихъ лежала еще тяжелая, грустная обязанность — присутствовать и принимать участіе въ погребеніи на зиму своей великой матери—Природы. Этимъ заняты были всѣ маленькіе рабочіе земли; а ихъ многое множество.

Уже изморозь покрыла землю, миллионы перловъ были разбросаны кругомъ и никто не подбиралъ ихъ. Всѣ увядшія былинки, всѣ обезлиственные деревья стояли въ глубокомъ траурѣ, а соснамъ и елямъ, которыя были одѣты

всегда одинаково, необходимо было почистить мохъ на своихъ шубкахъ.

Вѣтры, дѣти воздуха, въ облакахъ чесали снѣжную шерсть, чтобы окутывать землю. Около берега слышались грустные пѣсни замерзающихъ волнъ, еще не заснувшихъ подъ ледянымъ покровомъ, да тихое, грустное щебетанье маленькихъ птичекъ, неотлетѣвшихъ съ остальными сестрами и братьями. Все это при акомпаниментѣ глухого шума сосенъ было такъ пасмурно, такъ мрачно, такъ искренно печально...

Но вдругъ блеснулъ солнечный лучъ...

Лучъ этотъ былъ изъ чистаго небеснаго золота и блеснулъ онъ изъ мрачнаго, снѣжнаго облака на перлы иней, на увядшія травы, на обезлиственные деревья, на трудолюбивыхъ муравьевъ и на всѣ эти милліоны маленькихъ рабочихъ — сколько ихъ, я уже теперь забылъ — и все перемѣнилось.

— Нѣтъ, что это такое?! сказалъ филинъ, который сидѣлъ на развалинахъ и напѣвалъ своимъ басомъ: — „осень пришла, слышишь ты шумъ бури?“ (и его хриплый голосъ былъ сносенъ теперь, когда пѣвшихъ птицъ не было); „что это такое?“ сказалъ онъ. Я замаялся! я пою фальшиво! Я не могу вѣдь разобрать ни одной ноты, когда солнце блеститъ мнѣ прямо въ глаза“.

— Изъ этого ничего не выйдетъ, шумѣли муравьи, которые только что съ большимъ трудомъ убрали съ былинки иней въ аккуратную ленту изъ перловъ, а теперь всѣ перлы начинали таять; — „изъ этого, конечно, ничего не выйдетъ, — будетъ только грязь, да грязная вода; облачный зонтикъ не простирается больше съ сѣвера на югъ“.

Стрекоза, которая цѣлое лѣто только играла на своей шарманкѣ, никогда не думала о работѣ, и лежала полумертвая отъ голода и холода подъ завядшимъ осиновымъ листомъ, оживилась, согрѣтая солнечнымъ лучомъ, думала, что опять настало лѣто и такъ начала трещать на своей шарманкѣ, что

осиновый листокъ запрыгалъ; она оттерла себѣ лапки и не могла уже сидѣть какъ слѣдуетъ.

Тѣмъ и кончилась ея веселость.

Все это видѣлъ солнечный лучъ; онъ прорѣзалъ мрачное осеннее облако и носился въ прозрачномъ воздухѣ, точно искалъ кого бы утѣшить и обрадовать на землѣ.

Солнечный лучъ пробѣжалъ по замершей пыли и засверкалъ на блестящемъ осеннемъ лѣду.

— Нѣтъ-ли здѣсь кого, кто-бы печалился? спросилъ онъ. — Нѣтъ! закричали школьники, которые подвязали уже свои красивые ремни ко вновь выточеннымъ конькамъ и теперь кричали и смѣялись. — Нѣтъ! отвѣчали они, пробуя ногами въ разъ, крѣпокъ ли ледъ. Здѣсь было очень весело.

Солнечный лучъ полетѣлъ дальше, къ обезлиственной березѣ.

— Нѣтъ-ли здѣсь кого, кто бы печалился? — Нѣтъ! отвѣчала береза, чего мнѣ печалиться, я вѣдь знаю, что буду зеленѣть, когда придетъ весна.

Теперь полетѣлъ солнечный лучъ къ бѣдной хижинѣ, гдѣ родители и дѣти дѣлили свой послѣдній хлѣбъ съ болѣе бѣдными людьми.

— Нѣтъ-ли здѣсь кого, кто-бы печалился? — Нѣтъ! отвѣчали бѣдные люди, чего намъ печалиться; вѣдь мы знаемъ, что Богъ въ своемъ милосердіи заботится обо всѣхъ своихъ дѣтяхъ, мы полагаемся на него во всѣхъ нашихъ скорбяхъ.

Полетѣлъ солнечный лучъ опять и достигъ корабль, смѣло боровшійся съ бурей. „Нѣтъ ли здѣсь кого, кто бы печалился“ — „Нѣтъ“, сказалъ старый морякъ, и что намъ печалиться? Богъ направитъ корабль къ гавани; мы работаемъ безъ страха, не думая объ опасности.

Солнечный лучъ полетѣлъ дальше и попалъ къ постели больного. „Нѣтъ ли здѣсь кого, кто бы печалился?“ — „Нѣтъ“, сказалъ больной, чего мнѣ печалиться? Богъ—мое здоровье, Онъ знаетъ лучше, что намъ полезно. Самое му-

ченіе—мнѣ радость, со мной ничего не случится безъ воли Божьей, а Его воля наилучшая“.

Еще разъ полетѣлъ солнечный лучъ и прилетѣлъ на церковное кладбище. Здѣсь сидѣла мать и плакала о своемъ умершемъ дитяти. „Нѣтъ ли здѣсь кого, кто бы печалился?“ — „Нѣтъ“, сказала плачущая мать, „чего мнѣ печалиться, вѣдь я скоро опять увижу свое дитя на небесахъ? Я плачу, милый солнечный лучъ, отъ радости, что Богъ такъ рано взялъ мое милое дитя для вѣчнаго блаженства“.

Солнечный лучъ удивился, что не нашелъ горя на землѣ; но не все еще видѣлъ этотъ ясный солнечный лучъ.

Спустя минуту, блеснулъ онъ черезъ окошко; гдѣ около цвѣточнаго горшка стояла маленькая дѣвочка. „Нѣтъ ли здѣсь кого, кто бы печалился?“ — „Да, сказала маленькая дѣвочка, я грущу о моемъ миртовомъ отводкѣ, который я посадила на счастье, а онъ завялъ, въ эту темную осень.“ — „Больше ничего? такъ я утѣшу тебя“, сказалъ солнечный лучъ; и такъ тепло засіялъ на мирту, что она опять ожила; и кончилась печаль у окна, печаль въ дѣтскомъ сердцѣ.

Дальше полетѣлъ солнечный лучъ и засіялъ въ тюрьмѣ. „Нѣтъ ли здѣсь кого, кто бы грустилъ?“ — Да, сказалъ арестованный преступникъ, который сидѣлъ тамъ въ цѣпяхъ и ожидалъ приговора, „какъ не печалиться мнѣ, арестанту, покинутому Богомъ и людьми, безъ надежды на пощаду?“

— Смотри сюда, сказалъ солнечный лучъ и засіялъ по листамъ Евангелія, которое лежало на столѣ, открытое на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Спаситель общаетъ милость и прошеніе разбойнику на крестѣ. И кончилась грусть въ тюрьмѣ, грусть въ отчаявшемся сердцѣ.

Еще разъ полетѣлъ солнечный лучъ и засіялъ передъ старымъ Николаемъ Мюнтеромъ, который стоялъ на берегу шумящаго потока и ломалъ себѣ руки.

„Нѣтъ ли здѣсь кого, кто бы печалился?“ — „Да, сказалъ Николай Мюнтеръ. — „О чемъ ты печалишься?“ — Я печалюсь о моемъ дѣтствѣ. Въ дѣтствѣ я былъ неблагодаренъ и

непослушенъ своимъ родителямъ, а теперь они давно умерли; я печалюсь о своей юности, которую провелъ въ лѣности, а теперь я старъ; я грущу о всей своей жизни, которая никогда не принесла никому ни пользы, ни радости, я никогда не думалъ о чемъ либо, кромѣ моего собственнаго удовольствія,—хочу теперь броситься въ этотъ шумящій потокъ“.

„Подожди немного“, сказалъ солнечный лучъ; „пойдемъ со мной; я покажу тебѣ путь, гдѣ ты можешь еще сдѣлать что нибудь доброе. И понесся солнечный лучъ по кочкамъ и сухой травѣ, а Николай Мюнтеръ слѣдовалъ за нимъ, пока не пришли они къ пруду, куда безъ позволенія, въ рабочій день прокралась школьная молодежь. „Вотъ здѣсь“, сказалъ солнечный лучъ. „Сядь здѣсь и Расскажи дѣтямъ, каково это, когда думаешь всю жизнь только о своемъ удовольствіи“.

Николай Мюнтеръ сталъ рассказывать, мальчики и дѣвочки — слушали; а солнечный лучъ сверкалъ имъ прямо въ глаза, въ видѣ полосы отъ далекаго вѣчнаго свѣтила. Старый Николай Мюнтеръ былъ радъ, что могъ еще сдѣлать что нибудь хорошее, а неразумныя дѣти были серьезны; даже больше,—это была серьезная радость, которая могла повести къ истинному счастью.

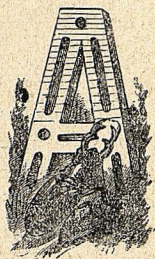
Теперь солнечный лучъ уже довольно полеталъ въ этотъ день и мгновенно вернулся къ солнцу, за 14 милліоновъ миль. Надвинулось осеннее облако и раскинуло завѣсу надъ землею; но лучъ еще тайлся въ засадѣ у самаго краешка солнца, чтобы подстеречь первую трещину въ завѣсѣ. Долго, долго спустя показалась трещина, лучъ сейчасъ-же проникнулъ въ нее и радостно засверкалъ по бѣлому снѣгу. Онъ помнилъ еще свой веселый полетъ въ ноябрѣ, когда обрадовалъ столько сердецъ, такимъ радостнымъ воспоминаніемъ можно жить долго.

* * *

О К Н О.

(Разсказъ охотника).

ВОТЪ прошло лѣто. Почти прошелъ сентябрь, и мнѣ оставалось пребыть въ деревнѣ всего нѣсколько дней, а затѣмъ, на цѣлыхъ 8 мѣсяцевъ, ѣхать въ холодъ, снѣгъ, т. е. въ Питеръ и не пользоваться, въ продолженіи всего этого времени, тѣмъ увлекательнымъ удовольствіемъ, которымъ я пользуюсь въ деревнѣ лѣтомъ, именно охотой, а потому я рѣшилъ эти послѣдніе дни провести въ лѣсу или на болотѣ.

Нѣтъ выше для меня наслажденія, какъ охота.

Меня не такъ интересуесть прибыльность ея, т. е. число убитой дичи, какъ интересуесть и восторгаетъ самый процессъ охоты.

Окружающая природа со всевозможными своими разнообразіями, полуденный жаръ солнца, проливной дождь, который часто приходится переносить на охотѣ и, наконецъ, тѣ безчисленные затрудненія, которыя приходится преодолевать, для того чтобы взять какого нибудь бекаса или вальдшнепа, все это вмѣстѣ взятое даетъ то пріятное впечатлѣніе, которое испытываетъ настоящій охотникъ въ душѣ, бродя цѣлый день по кочкамъ, кустарникамъ, камышамъ и болотамъ и убивая за весь день лишь нѣсколько бекасовъ.

Не настоящему охотнику, тому подавай только по больше дичи, да покрупнѣе, а за тѣмъ гдѣ онъ возьметъ ее, при какой обстановкѣ, съ какими затрудненіями, для него все равно. Онъ и на крышѣ будетъ стрѣлять и на дворѣ, лишь бы по больше убить.

Нѣтъ, такому охотнику лучше не охотиться, а ходить по базару да стрѣлять дичь серебряною дробью.

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней, я рѣшилъ отправиться на вальдшнеповъ, такъ какъ время для этой охоты было самое благопріятное.

Путру, вставъ пораньше и приготовивъ все что нужно къ предстоящей охотѣ, на что потребовалось неособенно много времени, я одѣлся, взялъ ружье и, позвавъ старую мою собаку Арку, которая давно уже, лежа подъ столомъ, легкимъ визгомъ и ударами хвоста объ полъ выказывала свое нетерпѣніе, вышелъ со двора и началъ спускаться подъ горку, по широко раскинувшемуся передо мной лугу.

Арка также была довольно предстоящей охотой; хотѣла на радостяхъ поиграть съ проходившимъ мимо поросенкомъ; но тотъ испугался ее, захрюкалъ самымъ отчаяннымъ голосомъ и побѣжалъ дальше.

День былъ замѣчательно хорошъ; въ воздухѣ чувствовалась какая то живительная, пріятная, осенняя прохлада. Грудь ровно и глубоко дышала чистымъ, свѣжимъ воздухомъ. Еще было довольно рано.

Болота, широко раскинушагося за деревней, почти не было видно за густымъ туманомъ, поднимавшимся изъ него какими-то величественными клубами.

Сквозь эти клубы иногда блестѣлъ, какъ звѣздочка, крестъ сосѣдней деревенской церкви, ярко освѣщенный солнцемъ, а потомъ снова пропадалъ. Вправо отъ болота поднималась гора, вся закутанная, какъ вуалью—туманомъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ туманъ становился рѣже, ярко вырисовывались деревья, покрывавшія всю гору густымъ лѣсомъ и тогда ка-

залось, что эта маленькая группа деревьевъ плыветъ въ облакахъ.

Я шелъ скорыми и бодрыми шагами. На мосту, переброшенномъ черезъ ровъ, по которому мнѣ надо было перейти, встрѣтился мнѣ священникъ нашего села, отецъ Илья. Онъ ѣхалъ въ маленькой повозкѣ, запряженной сытой, крѣпкой лошадкой, которая подъ горку бѣжала ровною, мелкою рысью. Рядомъ съ нимъ сидѣла его супруга, женщина очень полная и сырая, на ней было надѣто много платочковъ, платковъ и косынокъ, хотя на дворѣ и не было холодно; всѣ эти теплыя вещи дѣлали то, что фигура матушки издали удивительно была похожа на большой мѣшокъ съ узломъ на верху, въ видѣ закутанной головы. Матушка занимала своей особой почти всю и безъ того небольшую повозку, такъ что отцу Ильѣ приходилось сидѣть на какомъ-то тычкѣ.

Раскланиваясь со мной, онъ поднималъ свою шляпу, съ большими полями и чуть было не вылетѣлъ съ повозочки, благодаря тому, что сидѣлъ такъ не удобно; но удержался, остановилъ лошадь, сказалъ что-то матушкѣ, послѣ чего та подвинулась, уступивъ ему больше мѣста, усѣвшись по удобнѣе, онъ тронулъ лошадь возжами и поѣхалъ снова рысью.

Въ средѣ суевѣрныхъ охотниковъ, встрѣча съ попомъ, съ бабой, которая несетъ пустыя ведра, не предвѣщаетъ ничего хорошаго, а напротивъ все дурное; но такъ какъ я не принадлежу къ числу суевѣрныхъ охотниковъ, то встрѣтившемуся батюшкѣ я и въ мысляхъ не пожелалъ ничего худаго.

Но, вѣроятно, въ этотъ день мнѣ суждено было встрѣтить. чуть не всѣ суевѣрныя примѣты.

Поднявшись отъ моста къ церковному саду, гдѣ звонко и весело пѣли свои пѣсни синицы и дрозды, я проходилъ мимо деревенскаго хлѣбнаго магазина, изобилующаго всегда мышами и крысами.

Изъ-подъ покосившагося крыльца этого магазина, вѣроятно возвращаясь съ охоты, выскочилъ на всѣхъ парахъ здоровый рябой котъ. Увидѣвъ меня и Арку, которая уже,

ощетинивъ шерсть, смотрѣла на него, перепугался, съ перепуга поднявъ свой хвостъ и пустился бѣжать къ плетню, чрезъ который перебрался съ удивительною быстрою и ловкостью.

Вотъ, подумаль я не безъ радости: „хорошо, что со мной нѣтъ суетвѣрнаго компаніона, а то навѣрное, послѣ такихъ встрѣчъ, пришлось бы возвращаться домой“.

Пройдя деревенскую улицу, я вошелъ на плотину, отъ которой до мѣста моей охоты оставалось нѣсколько шаговъ.

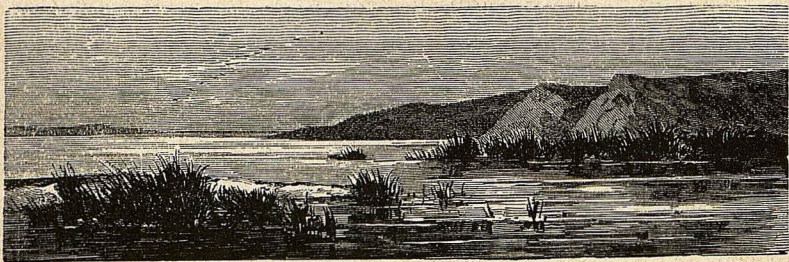
Здѣсь картина природы представилась еще лучше. Туманъ, согрѣтый лучами солнца, поднялся высоко и превратился въ отдѣльныя, маленькія облака, которыя неслись теперь по голубому небу все дальше и дальше. Возлѣ самой плотины двѣ бабы мыли бѣлье; одна изъ нихъ полоскала его, а другая, скрутивъ какую-то цвѣтную рубаху, преусердно била по ней тяжелымъ валькомъ. Удары валька звонко летѣли внизъ по рѣкѣ и отражались эхомъ въ со-сѣднемъ лѣсу.

Направо и налево раскинулись широкіе луга, мѣстами покрытые высокимъ, желтымъ камышемъ, мѣстами лознякомъ, на прутьяхъ котораго остались одни только желтые листья, остальные, испугавшись осени, лежали у ногъ своего куста.

Мѣстами по лугу росли высокія ольхи, образуя отдѣльные маленькіе лѣсочки, къ которымъ собственно я шелъ и гдѣ думаль охотиться.

Н. Жувшинниковъ.

(Продолженіе будетъ).

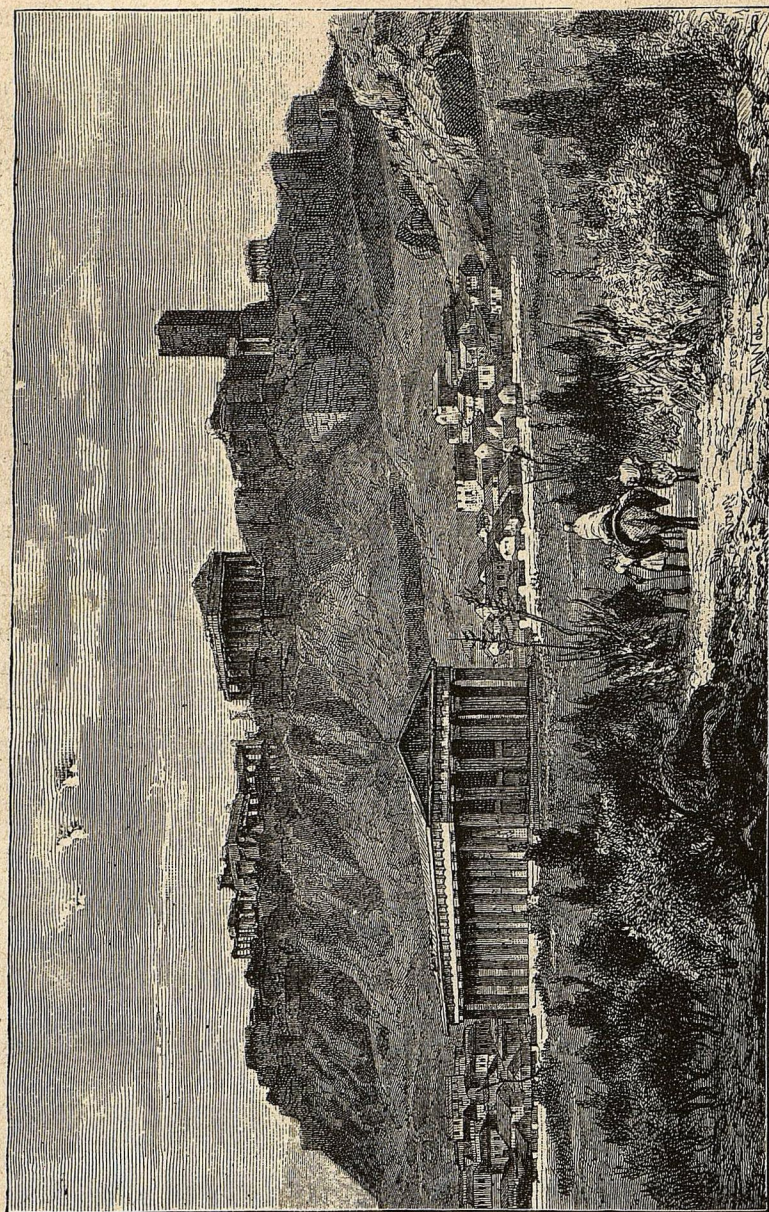
АКРОПОЛЬ—ОСТАТКИ АЭИНСКОЙ СЛАВЫ.

Аэины—мѣста человѣческой мудрости и поэзіи сохранили до нашихъ дней грандіозныя творенія архитектуры своего высшаго процвѣтанія. Ни Перикль, ни Сократъ, ни Аристидъ не узнали бы теперь своихъ величавыхъ Аэинъ: но задумчивая, крутая скала со строгой красотой возвышающагося на ней Акрополя, съ Парѣонономъ и Пропилеями, напомнили бы имъ, что эти созданія строго хранятъ завѣтъ безсмертной славы народа. Грекъ—мудрецъ, пылкій юноша откликнулся на безсмертныя задачи красоты, человѣческаго духа, — оттого-то его творенія и сдѣлались источникомъ, воспламеняющимъ нашъ духъ даже уцѣлѣвшими остатками его художественныхъ рукъ.

Отъ геніальныхъ умовъ нашего вѣка до простыхъ любителей туристовъ — люди стремятся подышать подъ небомъ Парнаса. Современный путешественникъ долженъ приближаться къ Аэинамъ моремъ, какой бы путь онъ не избралъ туда. Подплывая ближе къ мѣстамъ греческой славы, его поражаетъ прежде всего Парнасъ, покрытый снѣгомъ и клубами тихо плавающихъ облаковъ. Тутъ боги и музы поэтического грека охватываютъ воспоминаніями духъ путешественника, и начинаютъ рисоваться ему въ скользящихъ облакахъ Парнаса и сосѣднихъ съ нимъ горъ: мысль смѣняется картиной за картиной невозвратнаго прошлаго, и печальное современное положеніе когда-то цвѣтущей страны заволакивается розовой дымкой славы. А вотъ предъ нимъ и окрестности Аэинъ съ царящимъ надъ ними задумчивымъ Акрополемъ. Въ ясный солнечный день ослѣпительно сверкаютъ колонны Парѣонона, соперничая въ бѣлизнѣ съ снѣгами Парнаса. Тутъ дѣлается ясно, почему и какъ древніе Аэины могли повелѣвать морскими валами и какъ ихъ могущество и блескъ воспламеняли завистью сердца Коринѣа, Аргоса и др. А вотъ яснѣе и поразительнѣе возстаютъ ближайшія высоты Акрополя и холмъ Музеіона—на переднемъ планѣ. Отсюда Парѣононъ рядомъ своихъ колоннъ, мерцающихъ бѣлизной, производитъ особенно чарующее впечатлѣніе. Чистыя музы поэзіи, весело улыбаются восторженному наблюдателю изъ этой снѣжной бѣлизны древнихъ колоннъ вѣчнаго искусства. Дальше тянутся новыя постройки гавани. Вплывая въ гавань новѣйшихъ построекъ, Акрополь и Парѣононъ, а съ ними и древніе Аэины прячутся отъ наблюдателя, какъ будто не желая показать своего общеніе съ этой юностью, затемняющей ихъ заслуженное величіе.

N. Z.

АКРОПОЛЬ ВЪ АФИНАХЪ.

Редакторъ-издательница Т. ПАСЕКЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 января 1881 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.